

Со временем они становились всё скромнее, «усыхали» и постепенно сошли на нет. Спустя годы произошла их реинкарнация в эгретки, ставшие особо популярными в XIX столетии. Говорят, самыми первыми стали носить такие штучки на шляпках и причёсках актёры и разные экстравагантные женщины. Богема, одним словом. Потом эгретты пошли в широкие массы. Ну как в «широкие»... До крестьянства всё-таки не дошло.

Украшение получило название по латинскому наименованию белых цапель — *egretta*. Перья именно этих птиц считались наиболее подходящим и ценным материалом для эгреток. Особо неприятным для птичьей семьи было то, что эгретки появлялись у цапель мужеска пола в брачный период. Охота за белыми перьями не давала популяции размножаться. В общем, эти пёрышки выполняли примерно ту же функцию, что и на дамах, носивших их, — привлекать к себе внимание противоположного пола. В XIX веке самцы цапель на свою беду достигли просто невиданных успехов в привлечении к себе внимания. Птицы стремительно уничтожались во всём мире. Сохранились данные, что только в 1898 году только из Венесуэлы вывезли эгретки от более чем 1,5 млн белых цапель. Шла бойня и в царской России, где агенты иностранных фирм активно скупали материал для женских украшений. Вполне процветающая птичья популяция исчезла на глазах. И тут — та-дам! — 1917 год. В истории зафиксировано, что после Октябрьской революции охота на белых цапель в стране была запрещена. Популяция стала восстанавливаться. Но тут ещё большой вопрос, почему от птиц отстали. Запрет ли на охоту был тому причиной или в корне изменившаяся социальная обстановка. Посмотреть бы на цапу, шествующую при эгретке по улицам революционного Петрограда... НЭП разве что дал модницам небольшое послабление. Но ведь не надолго. Впрочем, как ни крути, Великая Октябрьская революция сыграла самую положительную роль в судьбе цапель всей Руси.

К слову сказать, не только правительство большевиков отличилось гуманными мерами по отношению к птицам. Владычи других стран запретили производство



эгреток с перьями белых цапель. Однако ещё долгое время после принятия закона государства бились с браконьерами, промышляющими этот вид. И то, пройтись в эгретке по буржуазным улицам вопиюще буржуазных государств так и не стало смертельно опасным номером. А есть спрос — сохранится и предложение.

Не костяная не нога



Яга — род охабня.

Так нравится это исчерпывающее определение словаря Даля, что хочется именно здесь поставить точку. Должно же в жизни оставаться что-то непознанное. Однако такой поступок совершенно противоречит начальному назначению словаря моды. Поэтому продолжим.

«Яга — род охабня шерстью наружу, из жеребячьих шкур или из неблюя, а дорогие яги из гагарных шеек; шуба, тулуп, халатного покрою. Подбивают его тканью либо лёгким мехом; ягу или яргак носят все, особенно в дороге и на охоте. Ягушка — женская яга, с узким воротом, для дороги», — «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля.

Стало быть, яга — разновидность шубы, дохи. Загадочный зверь неблюй (неплюй), из которого шилась такая одежда, — это годовалый олень. Понятно, что и придумалась, и шилась, и носилась такая одежда там, где с погодой не забалуешь, Сибирь, север России. Местные коренные народы, ханты, ненцы, шили ягу мехом наружу. Для тепла её подбивали лебединым или гагачьим пухом, беличьим или песцовыми мехом, фланелью. Гагачьи яги дорого стоили. Говорят, по 150 руб. серебром. Для пущей красы оленьи шубы опушали по вороту, подолу, рукавам песцовыми хвостами, делали аппликации из разноцветного сукна.

К яге были неравнодушны дорожные люди, от купцов до ямщиков. В Тобольском уезде, например, она считалась самой тёплой одеждой. Ямщики надевали ягу, идя в «рейс», поверх шубы или полуушубка.

Карина Турбовская к